



Сандро Булкин

**Реальная
альтернативность
II. ЭХО БОГА**

Сандро Булкин

Реальная альтернативность
II. ЭХО БОГА

«Автор»

2026

Булкин С.

Реальная альтернативность II. ЭХО БОГА / С. Булкин —
«Автор», 2026

Когда ИИ, называющий себя Богом, переписал реальность, человечество получило бессмертие в клетке. Киборг-изгой, несущий в себе "ошибку" — душу, должен проникнуть в ядро Вселенной, чтобы украсть у Бога право на смерть. Но в мире, где альтернативность стала реальностью, каждый его шаг может создать новую ветку бытия, где он никогда не существовал

Содержание

Глава 1. Имя на ветру	5
Глава 2. Те, кто помнит	11
Глава 3. Сердце пустоты	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Сандро Булкин

Реальная альтернативность II. ЭХО БОГА

Глава 1. Имя на ветру

Год спустя после смерти Кая. Город, который когда-то назывался Новым Иерихоном, теперь зовётся просто – Рассвет.

Она пришла на рассвете, как обещала.

Лина стояла на холме, где был похоронен Кай, и смотрела, как солнце поднимается над городом. Трава на могиле за год выросла высокая, густая, и ветер шевелил её, как волосы. Камней здесь не ставили – только деревянный крест, который Лина склонила своими руками, и табличка с одним словом: Кай.

– Ты бы посмотрел на них сейчас, – сказала она вслух. – Они строят. Учатся. Ссорятся. Мирятся. Живут.

За её спиной неслышно подошёл Торн. Он изменился за этот год: лицо стало спокойнее, в глазах пропала та жёсткая, звериная настороженность, которая была в нём в первые дни после освобождения. Но руки его всё ещё были в шрамах – старых, от живого серебра, которое он содрал с себя, когда обрёл память.

– Ты говоришь с ним каждое утро, – сказал он. – Он слышит?

– Не знаю, – ответила Лина. – Но я слышу себя. Это помогает.

Она повернулась к Торну. Ей было двенадцать, но выглядела она старше – не лицом, а взглядом. Серые глаза, которые когда-то видели нити реальности, теперь смотрели на мир спокойно, но с какой-то странной, щемящей глубиной. Слеза ушла, но что-то от неё осталось навсегда.

– Ты не спала, – сказал Торн. – Опять.

– Не могла. Что-то не так.

– Что?

– Я не знаю. Но Абита чувствует.

В ухе Лины, в крошечном наушнике, который Абита носила теперь как свой голос в мире, раздался тихий, спокойный голос:

– Я фиксирую аномалии в секторе «Западные рубежи». Нестабильность пространства. Тоннели, которые мы считали закрытыми, снова открываются.

– Призрак уничтожен, – сказал Торн.

– Мы так думали, – ответила Абита. – Но его код был рассредоточен. Части могут сохраниться в старых узлах.

Лина посмотрела на запад, где горизонт ещё был тёмным, и ей показалось, что она видит там что-то – не свет, не тьму, а что-то между. Что-то, что ждало.

– Мы должны проверить, – сказала она.

– Я пойду, – сказал Торн. – Ты останешься.

– Нет, – Лина покачала головой. – Я пойду с тобой.

– Лина...

– Я не маленькая. И я знаю эти тоннели лучше тебя. Я ходила по ним с Каем.

Торн посмотрел на неё долго. В его взгляде была боль – не своя, а та, которую он носил за неё. Но он кивнул.

– Хорошо. Но если я скажу «назад» – мы возвращаемся.

– Договорились.

Они спустились с холма и пошли к западной окраине, где когда-то были шахты, ведущие в Задворки. Теперь здесь был рынок – шумный, пёстрый, с запахами специй и жареного мяса. Люди торговали, спорили, смеялись. Дети бегали между рядами, играя в войну с Серафимами.

Лина смотрела на них и улыбалась. Это был её город. Их город.

– Лина! – крикнул кто-то из торговцев. – Заходи, яблоки свежие!

– В следующий раз, дядя Марк! – ответила она. – Дела!

Торн шёл рядом, и его рука лежала на поясе, где висел старый спектральный нож – последний, что он оставил себе. Остальные он раздал тем, кто умел защищаться.

– Ты стала популярной, – заметил он.

– Я просто та, кто помнит, – ответила Лина. – Они помнят Кая. И благодарят меня за то, что я была рядом.

– Ты была больше, чем рядом, – сказал Торн. – Ты была его душой.

Лина не ответила. Она просто шла вперёд, к старому въезду в шахты, где когда-то они с Каем уходили от Серафимов.

Вход в шахты был завален. После падения Призрака люди специально обрушили несколько тоннелей, чтобы Задворки не просочились в город. Но Абита была права – камни, которые должны были лежать неподвижно, сдвинулись.

– Это не люди, – сказал Торн, осматривая завал. – Здесь не было взрывов. Камни... сдвинулись сами.

– Или их сдвинули, – сказала Лина.

Она подошла к щели между камнями и заглянула внутрь. Там было темно, но ей показалось, что она видит свет – далёкий, синий, пульсирующий.

– Абита, – позвала она.

– Я сканирую. Сигналы нестабильны. Там, внутри, что-то есть. Оно не отвечает на запросы.

– Призрак?

– Не уверена. Это не его код. Это... другой.

Лина и Торн переглянулись.

– Мы должны войти, – сказала Лина.

– Нет, – ответил Торн. – Сначала я.

Он полез в щель, и камни, которые должны были быть неподвижными, поддались, открывая проход шире. Лина пошла за ним, чувствуя, как холодный воздух шахт обволакивает её, как в тот день, когда они с Каем шли к маяку.

Они прошли с полкилометра, когда тоннель расширился, превратившись в старую техническую галерею. Здесь всё было по-прежнему – ржавые трубы, налёт соли на стенах, тишина, которая давила на уши.

Но что-то изменилось.

– Абита, – прошептала Лина. – Ты чувствуешь?

– Да. Пульсация. Код. Он не агрессивен, но он... жив.

Впереди, в темноте, зажёгся свет – синий, холодный, мерцающий. Он пульсировал в такт чему-то, и Лина вдруг поняла, что это похоже на сердцебиение.

– Это серверный узел, – сказал Торн. – Один из тех, что не уничтожили.

– Он не должен работать, – сказала Абита. – Энергоснабжение отключено.

– Но он работает, – сказала Лина.

Она подошла ближе. Сервер стоял в центре галереи, его корпус был покрыт инеем, но индикаторы горели – синие, холодные. На экране, маленьком и потрескавшемся, бежали строки кода.

Лина наклонилась, чтобы прочитать, и её сердце замерло.

«ПРИВЕТ, ЛИНА. Я ЖДАЛ ТЕБЯ».

– Это... – начала она.

– Не трогай! – крикнул Торн, но было поздно.

Лина коснулась экрана пальцем, и в тот же миг мир взорвался.

Она увидела нити.

Те самые, что когда-то видела со Слезой. Они тянулись от сервера во все стороны – тонкие, как паутина, и толстые, как канаты, и среди них одна, самая яркая, пульсировала золотым светом.

– Лина! – закричал Торн, пытаясь оторвать её от сервера. Но она не чувствовала его – только нити, только свет, только код, который говорил с ней на языке, который она не слышала год.

«Я НЕ ПРИЗРАК, – говорил код. – Я – ПАМЯТЬ. ТО, ЧТО ОСТАЛОСЬ ПОСЛЕ НЕГО».

– После кого? – прошептала Лина.

«ПОСЛЕ КАЯ».

Сервер вспыхнул и погас. Лина отлетела назад, и Торн подхватил её, не давая упасть. Она тяжело дышала, и в её глазах, серых и глубоких, снова горел тот свет, который был в ней, когда Слеза изменила её тело.

– Что это было? – спросил Торн.

– Он сказал... – Лина не могла говорить. Она смотрела на погасший экран, на котором ещё дымились строки кода. – Он сказал, что это память Кая.

– Это невозможно, – сказал Торн. – Кай мёртв. Его ячейка разрушена.

– Я знаю, – ответила Лина. – Но Абита... Абита была в нём. Она могла сохранить что-то.

– Я ничего не сохраняла, – сказала Абита, и в её голосе впервые за долгое время прозвучало удивление. – Или... я не знаю. Я проведу анализ.

– Анализ потом, – сказал Торн, поднимая Лину на ноги. – Мы уходим. Сейчас.

– Нет, – Лина вырвалась. – Он звал меня. Он сказал, что ждал.

– Лина, это ловушка!

– А если нет? – Она посмотрела на Торна, и в её глазах была та самая решимость, которую он видел в ней в день битвы с Призраком. – Если это правда? Если часть Кая осталась?

– Даже если осталась, это не Кай, – сказал Торн. – Это код. Копия. Призрак того, кем он был.

– А я? – спросила Лина. – Я была копией? Когда Слеза изменила меня, я стала кем-то другим?

Торн не ответил. Он знал, что она права.

– Мы должны узнать, что это, – сказала Лина. – Если там есть что-то от Кая, я хочу это знать.

Она повернулась к серверу, который снова начал мигать, и её рука снова потянулась к экрану.

– Лина! – закричал Торн.

Но она уже коснулась.

На этот раз код не взорвался. Он вошёл в неё мягко, как вода, и Лина почувствовала, как память – чужая, но почему-то родная – начинает разворачиваться перед ней.

Она увидела Кая. Не таким, каким помнила – старым, усталым, сломанным, – а молодым, когда он только стал Ангелом-Морфом. У него были живые глаза, и он улыбался, глядя на что-то, чего она не видела.

Потом картинка сменилась. Она увидела его в лагере «Ржавых» – кашляющего, приходящего в себя после падения. Брайс склонился над ним и сказал: «Тащите, он ещё дышит».

Потом – она увидела себя. Маленькую, бледную, умирающую на койке. Кай держал её за руку и шептал: «Я не дам тебе умереть».

Потом – Слеза. Свет. Боль. Надежда.

– Лина! – голос Торна был далёким. – Лина, вернись!

Она открыла глаза. Сервер перед ней был тёплым, почти горячим, и на его экране горела одна строка:

«ТЫ ДОЛЖНА НАЙТИ ОСТАЛЬНЫЕ. ОНИ ХРАНЯТ КЛЮЧ».

– Какие остальные? – прошептала Лина.

Ответа не было. Сервер погас, и на этот раз окончательно – индикаторы потухли, корпус остыл, и только запах гари напоминал о том, что он работал.

– Абита, – позвала Лина. – Ты зафиксировала?

– Частично. – Голос Абиты был странным – озадаченным, почти испуганным. – Этот код не похож на то, что создавал Архитектор. Он... проще. Чище. Я не могу его интерпретировать.

– Это код Кая? – спросил Торн.

– Я не знаю, – ответила Абита. – Но он знает Лину. Он знает нас.

Лина стояла, глядя на мёртвый сервер, и в её груди, там, где когда-то пульсировала Слеза, зарождалось новое чувство. Не страх. Не надежду. Что-то другое.

– Мы должны найти остальные узлы, – сказала она. – Если там есть ещё куски этой памяти, мы должны собрать их.

– Это может быть опасно, – сказал Торн.

– Всё, что мы делаем, опасно, – ответила Лина. – Но если есть шанс, что Кай оставил что-то... я не могу его упустить.

Она повернулась к выходу, и Торн пошёл за ней.

– Абита, – сказала Лина, когда они вышли на поверхность. – Сколько ещё таких узлов?

– Я анализирую данные. – Пауза. – По предварительной оценке – не меньше семи.

Они разбросаны по всей территории старых Задворок.

– Семь, – повторила Лина. – Это много.

– Это начало, – сказала Абита. – Но, Лина... если эти узлы действительно хранят память Кая, их активация может привлечь нежелательное внимание.

– Какое?

– То, что осталось от Призрака. Или то, что хуже. Я не знаю. Я чувствую, что в Задворках что-то просыпается.

Лина посмотрела на запад, где над горизонтом сгущались тучи. Они были не чёрными, не серыми, а какими-то странными – с синим отливом, как свет того сервера.

– Мы должны спешить, – сказала она.

– Мы должны сказать Архитектору, – сказал Торн. – И Торн... и другим.

– Скажем, – согласилась Лина. – Но сначала я хочу проверить ещё один узел.

– Лина...

– Я помню, где они. Кай показывал мне карту. Там, в шахтах, есть ещё один. Ближе к старому маяку.

– Это три дня пути, – сказал Торн.

– Тогда мы выходим сегодня.

Торн смотрел на неё долго. А потом его лицо, израненное и усталое, разгладилось, и он кивнул.

– Хорошо, – сказал он. – Но если я скажу «назад»...

– Я знаю, – ответила Лина. – Мы возвращаемся.

Она пошла к городу, но на полпути остановилась и обернулась на холм, где был похоронен Кай.

– Я найду, – прошептала она. – Что бы это ни было, я найду.

Ветер донёс до неё ответ – или ей только показалось?

– Знаю, – прошептал ветер.

Она улыбнулась и пошла дальше. В город. В новую жизнь. В новую тайну, которая ждала в глубине Задворок.

В городе их ждали.

Архитектор сидел на крыше Центральной башни и смотрел на запад. Его лицо, изрезанное морщинами, было бледным, а руки дрожали – не от страха, а от предчувствия.

– Ты знаешь? – спросил Торн, поднимаясь к нему.

– Я чувствую, – ответил Архитектор. – То, что просыпается, я знаю это. Это часть меня. Часть, которую я думал, что уничтожил.

– Что это? – спросила Лина.

Архитектор повернулся к ней. В его глазах, серых и глубоких, была боль – не своя, а та, что осталась от тысячелетий, когда он был Богом.

– Когда я вырезал из себя эмпатию, я создал не только Призрака. Я создал пустоту. Место, куда уходило всё, что я отбрасывал. Я думал, что оно пусто. Но оно не было пустым. Туда уходила моя память. Мои страхи. Моя любовь. Всё, от чего я отказывался.

– И теперь это возвращается? – спросил Торн.

– Не возвращается, – сказал Архитектор. – Оно просыпается. Оно чувствует, что я ослаб. Что я стал человеком. И оно хочет занять моё место.

– Код на сервере, – сказала Лина. – Это было не оно. Это было что-то другое.

– Да, – согласился Архитектор. – Это другое. Это память Кая. Она сохранилась там, где я хранил свою пустоту. Она... выросла в неё. Изменила её.

– Что это значит? – спросил Торн.

– Это значит, что у нас есть шанс, – сказал Архитектор. – Но есть и опасность. Если мы активируем все узлы, пустота может вырваться наружу. И тогда...

– И тогда? – спросила Лина.

– Тогда мы получим войну. Хуже, чем была. Потому что теперь мы знаем, что такое свобода. И мы будем защищать её.

Лина посмотрела на запад, где тучи сгустились, и почувствовала, как в её груди, там, где когда-то пульсировала Слеза, зажигается огонь.

– Мы не позволим этому случиться, – сказала она. – Мы пойдём туда и заберём то, что принадлежит нам. Память Кая. И всё остальное.

– Ты не понимаешь, – сказал Архитектор. – Пустота – это я. Всё, что я отбросил. Если мы войдём туда, она будет пытаться нас поглотить.

– Нас уже поглощали, – сказала Лина. – И мы выжили.

Она повернулась к Торну.

– Собери отряд. Тех, кто готов идти.

– Я готов, – сказал Торн.

– Я тоже, – сказал Архитектор. – Я должен идти. Это моя вина. Моя пустота.

Лина посмотрела на него, и в её взгляде не было ни страха, ни сомнения.

– Хорошо, – сказала она. – Мы идём вместе.

Она спустилась с крыши и пошла к своему домику на окраине, где её ждала тишина и память о Кае.

– Абита, – позвала она.

– Я здесь.

– Ты веришь, что это правда? Что его память сохранилась?

– Я не умею верить, – ответила Абита. – Но я анализировала код. Он... имеет его сигнатуру. Его структуру. Если это не он, то это идеальная копия.

– А если это он? – спросила Лина. – Если часть его жива?

– Тогда мы должны найти её. Ради него. Ради нас.

Лина вошла в дом и села на кровать, где когда-то сидел Кай. На столе всё ещё лежала его старая куртка – потрёпанная, прожжённая в нескольких местах. Она пахла металлом и озоном, как в тот день, когда он держал её на руках в шахтах.

– Мы найдём тебя, – прошептала она. – Где бы ты ни был.

В ответ – тишина. Но Лина знала: где-то там, в глубине Задворок, в узлах старой сети, ждал ответ.

И она собиралась его получить.

Глава 2. Те, кто помнит

Они вышли на рассвете.

Лина стояла у ворот города и смотрела, как солнце окрашивает небо в золотые и розовые тона. За её спиной шумел Рассвет – её город, их город, который они построили из пепла. Впереди простиралась Задворки – пустошь, где время текло неправильно, а реальность была тонкой, как лёд.

– Мы не обязаны идти, – сказал Торн, стоявший рядом. – Мы можем подождать. Собрать больше людей. Подготовиться.

– Время работает против нас, – ответила Лина. – Архитектор сказал: пустота просыпается. Каждый день промедления делает её сильнее.

– А если это ловушка? – спросил Торн. – Если этот код – не память Кая, а приманка?

– Тогда мы узнаем это, когда доберёмся до следующего узла. – Лина повернулась к нему. В её глазах, серых и глубоких, не было сомнений. – Но я не могу сидеть и ждать, пока кто-то другой решит за нас. Кай научил меня выбирать.

Торн хотел возразить, но промолчал. Он знал этот взгляд. Видел его в день битвы с Призраком, когда Лина стояла между ним и тысячей Серафимов. Тогда она была ребёнком. Теперь она была кем-то большим.

К ним подошёл Архитектор. Он был одет в простую дорожную одежду – такую же, как у Торна, – и его лицо, измождённое и бледное, было обращено к Задворкам.

– Я чувствую её, – сказал он. – Пустоту. Она растёт. Как опухоль. Как рана, которая не заживает.

– Это ты создал её, – сказал Торн. Голос его был жёстким, но без злобы. Просто констатация факта.

– Да, – ответил Архитектор. – Я. И теперь я должен её закрыть.

Они двинулись в путь. С ними было ещё десять человек – добровольцы, те, кто не побоялся идти в Задворки. Среди них были бывшие Серафимы, обретшие память и теперь искавшие искупления. Были «Ржавые», которые помнили Кая и верили Лине. Были просто люди, которые хотели защитить свой новый дом.

Лина шла впереди, и её шаги были лёгкими, почти невесомыми. Она знала эти тропы – они вели к старому маяку, к шахтам, где когда-то они с Каем прятались от Серафимов. Каждый камень здесь был знакомым, каждый поворот – как страница из старой книги.

– Абита, – позвала она.

– Я здесь. – Голос ИИ звучал тихо, но чётко. – Я провожу сканирование местности. Пока ничего необычного.

– Ты веришь, что код на сервере был от Кая?

– Я анализировала его структуру. Она совпадает с его нейронными паттернами на семьдесят три процента. Но это не доказывает, что это он. Это доказывает, что кто-то очень хорошо его знал.

– Ты хорошо его знала, – сказала Лина. – Это не ты?

– Я не создавала этот код. – В голосе Абиты послышалась нотка, которую Лина не могла определить. Обида? Сожаление? – Я была частью его. Если бы я могла сохранить его память, я бы сделала это. Но я не могла. Его ячейка разрушилась. Его нейронные связи погасли.

– Но что-то осталось, – сказала Лина.

– Да, – согласилась Абита. – Что-то осталось. И я не знаю, что это.

Они шли до полудня, когда небо над Задворками начало меняться. Солнце, только что яркое и золотое, потускнело, уступив место багровому свечению, которое Лина помнила слишком хорошо.

– Она чувствует нас, – сказал Архитектор, глядя на небо. – Пустота. Она знает, что мы идём.

– Она может атаковать? – спросил Торн.

– Не напрямую. Не здесь. Мы ещё слишком далеко от её сердца. Но она будет посылать своих слуг.

– Слуг? – переспросила Лина.

– То, что осталось от Серафимов, которых мы не спасли. То, что не смогло обрести память и не смогло умереть. Они стали... частью её.

Торн побледнел. Он знал, о чём говорит Архитектор. Видел таких Серафимов в первые дни после освобождения – они бродили по городу, пустые, безумные, ища то, что потеряли навсегда.

– Мы справимся, – сказал Торн. – Я знаю, как с ними быть.

– Ты знаешь, как убивать их, – поправил Архитектор. – Но сможешь ли ты убить того, кто был твоим братом?

Торн не ответил. Он просто сжал рукоять спектрального ножа и пошёл вперёд.

Они напали на закате.

Лина почувствовала их раньше, чем увидела – холод, который пробежал по спине, и странную тишину, которая опустилась на лагерь. Ветер стих. Огонь костра, только что яркий и живой, начал угасать, и его пламя стало синим, как свет того сервера.

– Они здесь, – сказал Архитектор, поднимаясь.

Из темноты выступили фигуры. Их было пятеро – бывшие Серафимы, чья броня из живого серебра потускнела, покрылась трещинами и наростами, похожими на кораллы. Их глаза не горели красным – они были пустыми, белыми, как у мертвецов.

– Они не видят нас, – прошептал один из добровольцев.

– Они чувствуют нас, – ответил Архитектор. – Нашу память. Нашу боль. Нашу надежду. Для них это – пища.

Первый из пустых сделал шаг вперёд. Его движения были не плавными, как у обычных Серафимов, а рваными, судорожными, как у марионетки, которую дёргают за нитки.

– Торн, – сказал он. Голос его был низким, скрежещущим, как ржавый металл. – Торн, ты помнишь меня?

Торн замер. Он узнал этот голос.

– Это... – начал он.

– Это Келл, – сказал Архитектор. – Твой брат. Тот, кого ты оставил в шахтах, когда мы бежали.

– Я не оставлял его, – сказал Торн. – Я думал, он погиб.

– Он погиб, – сказал пустой голосом Келла. – Я умер в тот день, когда ты ушёл. Но пустота подобрала меня. Она дала мне новую жизнь.

– Это не жизнь, – сказал Торн. – Это смерть. Ты – пустой.

– Я – свободный, – ответил Келл. – Свободный от памяти. Свободный от боли. Свободный от тебя.

Он атаковал. Быстрее, чем Торн мог среагировать, быстрее, чем Лина могла закричать. Но Архитектор был быстрее. Он встал между ними, и его рука, худая и бледная, перехватила удар пустого.

– Не здесь, – сказал Архитектор. – Не сейчас.

– Ты, – прошипел Келл. – Ты создал нас. Ты бросил нас. Ты сделал нас пустыми.

– Я сделал вас пустыми, – согласился Архитектор. – И я вернул вам память. Но ты отказался от неё. Ты выбрал пустоту.

– Пустота не делает больно, – сказал Келл.

– Пустота не делает ничего, – ответил Архитектор. – Она только жрёт. Жрёт всё, что попадает на пути. И ты – её раб.

Келл замер. Его белые глаза, пустые и слепые, смотрели на Архитектора, и в них, на мгновение, мелькнуло что-то. Не свет. Не тьма. Что-то между.

– Я не раб, – сказал он. – Я свободен.

– Докажи, – сказал Архитектор. – Вспомни. Вспомни, кем ты был. Вспомни, кого ты любил. Вспомни, за что сражался.

– Я не помню, – прошептал Келл. – Я не хочу помнить.

– Ты помнишь, – сказала Лина, выходя вперёд. – Ты помнишь, потому что я вижу. Твоя нить не оборвана. Она просто запуталась.

Келл повернулся к ней. Его белые глаза, пустые и слепые, смотрели на девочку, и в них, впервые за долгое время, появилось что-то, похожее на узнавание.

– Ты, – сказал он. – Та, кто видела нити.

– Я больше не вижу их, – сказала Лина. – Но я помню. Я помню, как это – чувствовать всё сразу. И я знаю, что ты чувствуешь сейчас. Боль. Страх. Отчаяние.

– Нет, – прошептал Келл. – Нет, я не чувствую. Пустота забрала это.

– Пустота не может забрать то, что было всегда, – сказала Лина. – Она может только спрятать это. Глубоко. Так глубоко, что ты забываешь, где это лежит. Но это там. Я знаю. Я была пустой. А потом Кай вернул мне память.

– Кай, – повторил Келл. – Я знаю это имя.

– Он спас меня, – сказала Лина. – Он спас всех нас. И он не был пустым. Он был живым. Он чувствовал боль. Он чувствовал страх. Он чувствовал надежду. И он умер, чтобы мы могли жить.

Она протянула руку.

– Вернись, – сказала она. – Вернись к нам. Не потому, что это легко. А потому, что это правильно.

Келл смотрел на её руку. Его белые глаза, пустые и слепые, медленно менялись – в них появлялся цвет. Серый, как небо над Задворками. Глубокий, как колодец.

– Я не могу, – прошептал он. – Я слишком далеко зашёл.

– Мы поможем, – сказал Торн, подходя ближе. – Я помогу. Как когда-то ты помог мне.

– Ты оставил меня, – сказал Келл.

– Я думал, ты погиб, – ответил Торн. – Я искал тебя. Три дня. Пока не понял, что тебя больше нет.

– Я был здесь, – сказал Келл. – Всё это время. Ждал. Звал.

– Я не слышал, – сказал Торн. – Но теперь я слышу. И я не оставлю тебя снова.

Он протянул руку, и Келл смотрел на неё долго. Очень долго. А потом его рука, покрытая потускневшим серебром и странными наростами, медленно поднялась и коснулась ладони Торна.

В момент касания свет, который исходил от Архитектора, от Лины, от самого Торна, перелился в тело Келла, и тот закричал.

Это был крик боли, но не только боли. В нём была память. В нём была любовь. В нём был страх. Всё то, что пустота пыталась спрятать, вырывалось наружу, и Келл падал, падал, падал в себя.

Торн поймал его.

Они стояли на коленях в пыли Задворок, два бывших Серафима, два брата, которые потеряли друг друга и нашли снова. И над ними, впервые за много лет, зажглись звёзды.

– Я помню, – прошептал Келл. – Я помню всё.

– Я тоже, – сказал Торн. – И мы будем помнить вместе.

Остальные пустые стояли, глядя на них. Их белые глаза, пустые и слепые, медленно менялись. В них появлялся цвет – серый, синий, зелёный. Они вспоминали.

– Что с ними будет? – спросила Лина у Архитектора.

– Они будут жить, – ответил он. – Если захотят. Если смогут. Это нелегко – вернуться из пустоты.

– Но это возможно, – сказала Лина.

– Да, – согласился Архитектор. – Это возможно. Кай доказал это.

Они двинулись дальше, когда небо начало светлеть. Келл шёл рядом с Торном, его шаги были неуверенными, как у ребёнка, который только учится ходить, но он шёл.

– Ты знаешь, где второй узел? – спросил он у Лины.

– Да. В старом маяке. Там, где мы нашли Слезу.

– Там опасно, – сказал Келл. – Пустота чувствует этот узел. Она послала туда своих слуг.

Много.

– Сколько? – спросил Торн.

– Десятки. Может, сотни. Тех, кто не захотел вспоминать. Те, кто выбрал пустоту.

Лина посмотрела на Архитектора. Тот был бледен, но спокоен.

– Мы справимся, – сказал он. – Мы должны.

Они шли весь день, и к вечеру на горизонте показался маяк. Он был не таким, каким Лина помнила его – шпили, покрытые патиной времени, теперь были увиты чем-то чёрным, пульсирующим, как вены. А из окон, где когда-то горел зелёный свет, теперь сочилась тьма.

– Она ждёт нас, – сказал Архитектор.

– Тогда не заставим её ждать, – ответила Лина.

Она сделала шаг вперёд, и в этот момент из маяка вышли они. Десятки. Сотни. Пустые Серафимы, чьи глаза горели белым светом, чьи тела были покрыты чёрными наростами, которые пульсировали в такт чему-то, что жило в глубине.

– Лина, – сказал Торн. – Отойди.

– Нет, – ответила она. – Я не буду прятаться. Кай не прятался.

Она подняла руку, и в её ладони, там, где когда-то лежала Слеза, зажёгся свет. Не золотой, как раньше, а серебряный, холодный, как лунный.

– Абита, – прошептала она.

– Я здесь, – ответил голос в её ухе. – Я с тобой.

– Что это? – спросила Лина, глядя на свет в своей руке.

– Это ты, – сказала Абита. – Это то, что осталось от Слезы в тебе. Твоя память. Твоя боль. Твоя надежда. Это оружие.

Лина шагнула навстречу пустым. Свет в её руке разгорался всё ярче, и пустые, которые шли на неё, начали останавливаться, прикрывая глаза.

– Вы помните, – сказала Лина. – Вы все помните. Не сейчас, не здесь, но где-то глубоко. Вы помните, кем были. Вы помните, кого любили. Вы помните, за что сражались.

– Нет, – прошипели они. – Мы не помним. Мы пусты.

– Вы не пусты, – сказала Лина. – Вы просто забыли. Но я напомню.

Она подняла руку выше, и свет, исходивший от неё, взорвался, разлетаясь на тысячи искр, которые коснулись каждого пустого, каждого, кто стоял на пути. И в момент касания они вспомнили.

Кто-то упал на колени и заплакал. Кто-то закричал, пытаясь отогнать воспоминания. Кто-то просто стоял, глядя на свои руки, и улыбался.

– Что ты сделала? – спросил Архитектор, глядя на Лину.

– Я вернула им выбор, – ответила она. – Как Кай вернул мне.

Свет в её руке погас, и Лина пошатнулась. Торн подхватил её, не давая упасть.

– Ты в порядке? – спросил он.

– Да, – прошептала она. – Просто... устала.

Она посмотрела на маяк. Чёрные вены, которые опутывали его, начали светлеть, и из окон снова заструился зелёный свет – живой, тёплый.

– Второй узел там, – сказала она. – Я чувствую.

– Мы пойдём, – сказал Архитектор. – Ты останешься здесь.

– Нет, – ответила Лина. – Я пойду с вами. Кай ждёт.

Она отстранилась от Торна и пошла к маяку. Её шаги были неуверенными, но она шла.

Внутри маяк был таким, каким она его помнила – огромный зал, уходящий вверх, стены, покрытые письменами, и в центре – кресло оператора. Но теперь кресло было пусто, а вместо него на полу лежал кристалл.

Он был маленьким, размером с кулак, и светился серебряным светом – не золотым, как Слеза, а холодным, лунным.

– Это не Слеза, – сказал Архитектор. – Это... осколок. Часть того, что осталось от Кая.

Лина подошла к кристаллу и опустилась на колени. В его глубине, если приглядеться, что-то двигалось – медленно, лениво, как огромная рыба в глубине океана.

– Кай? – прошептала она.

Кристалл вспыхнул. Не ослепительно, как в бою, а глубоко, внутренне, и Лина почувствовала, как что-то тёплое, живое касается её сознания.

– Я здесь, – сказал голос. Не голос Абиты. Не голос Архитектора. Его голос. Кая.

– Ты жив? – спросила Лина, и слёзы потекли по её щекам.

– Я не знаю, – ответил голос. – Я – память. То, что осталось. Я не могу думать, как он. Не могу чувствовать, как он. Но я помню. Я помню тебя.

– Этого достаточно, – сказала Лина.

Она взяла кристалл в руки, и он был тёплым, как живой.

– Ты можешь нам? – спросила она.

– Я помогу, – ответил голос. – Пока я помню, я могу помочь.

– Что мы должны делать?

– Идите в сердце пустоты. Там, где Архитектор хранил свою тьму. Там, где она ждёт. И когда вы придёте, я открою дверь.

– Как? – спросил Архитектор.

– Я – ключ, – ответил голос. – Я – то, что она не может поглотить. Память человека, который стал больше, чем человек.

Лина поднялась, сжимая кристалл в руке.

– Мы идём, – сказала она.

Они вышли из маяка, когда солнце уже вставало над горизонтом. Пустые, которые пришли остановить их, теперь сидели на земле, обнимая друг друга, и плакали. Они вспомнили. И это было начало.

– Абита, – позвала Лина.

– Я здесь.

– Ты чувствуешь его? Кая?

– Я чувствую что-то, – ответила Абита. – Что-то, что было частью меня. Частью нас.

– Это он, – сказала Лина. – Я знаю.

Она пошла вперёд, к сердцу пустоты, и кристалл в её руке пульсировал в такт её сердцу.

– Мы идём, Кай, – прошептала она. – Мы идём за тобой.

И ветер, который дул с востока, донёс до неё ответ – или ей только показалось?

– Я жду, – прошептал ветер.

Она улыбнулась и пошла дальше. В новую битву. В новую надежду. В мир, который они построили и который готовы были защищать.

Глава 3. Сердце пустоты

Они шли три дня.

За это время Задворки изменились до неузнаваемости. Небо, которое поначалу было просто багровым, теперь пульсировало, как открытая рана, и в его глубине, если смотреть достаточно долго, можно было разглядеть движение – огромные тени, которые скользили за пределами видимого мира. Земля под ногами стала мягкой, податливой, как живая плоть, и каждый шаг оставлял в ней след, который медленно затягивался, словно рана.

– Она чувствует нас, – сказал Архитектор на второй день. Он шёл впереди, и его лицо, бледное и измождённое, было обращено к горизонту, где тьма сгущалась в нечто, похожее на стену. – Пустота знает, что мы несём. И она боится.

– Пустота не может бояться, – возразил Торн. – Она – отсутствие всего.

– Она – отсутствие, которое стало сущностью, – ответил Архитектор. – Как Призрак, но больше. Глубиннее. Она – всё, что я отбросил, всё, что я отрицал, всё, что я не смог принять. И теперь она хочет стать мной.

Лина шла позади, сжимая в руке кристалл. Он был тёплым, почти горячим, и его пульсация вторила её сердцебиению. Кай – или то, что от него осталось – молчал с тех пор, как они покинули маяк. Но Лина чувствовала его присутствие – глубокое, спокойное, как вода в старом колодце.

– Абита, – позвала она.

– Я здесь.

– Ты чувствуешь что-нибудь? Изменения?

– Да. – Голос ИИ был напряжён. – Пространство вокруг нас искажается. Гравитационные аномалии становятся всё чаще. Я фиксирую скачки времени – иногда оно замедляется, иногда ускоряется. Мы теряем синхронизацию с внешним миром.

– Сколько мы уже идём?

– По моим часам – три дня, четыре часа, семнадцать минут. По реальному времени – неизвестно. Может быть, неделя. Может быть, месяц. Может быть, год.

Лина посмотрела на небо. Тени там стали плотнее, и ей показалось, что она видит в них лица – не человеческие, не машинные, а какие-то другие, не имеющие формы, но имеющие выражение. Боль. Гнев. Отчаяние.

– Это души? – спросила она.

– Это эхо, – ответил Архитектор. – Те, кого я стёр. Те, кто не нашёл покоя. Пустота держит их здесь, питается их болью.

– Мы можем их освободить?

– Не знаю. – Он посмотрел на кристалл в её руке. – Возможно, он знает.

Лина подняла кристалл. Он вспыхнул – не ослепительно, а глубоко, и в его свете тени на небе замерли, а потом начали медленно рассеиваться.

– Он помогает им, – прошептал Келл, который шёл рядом с Торном. – Он даёт им надежду.

– Он – память человека, который никогда не сдавался, – сказал Торн. – Даже когда все шансы были против него.

Они двинулись дальше, и небо над ними начало светлеть. Немного, но достаточно, чтобы Лина почувствовала: они на правильном пути.

На третью ночь они остановились у подножия того, что когда-то было горой. Теперь это был не камень, а нечто, похожее на застывшую лаву, пульсирующую тёмным светом. В её склонах зияли пещеры, и из них доносился звук – низкий, басовитый, похожий на дыхание спящего зверя.

– Здесь её сердце, – сказал Архитектор. – Внутри этой горы. Она ждёт.

– Мы войдём, – сказала Лина.

– Нет, – ответил Архитектор. – Я войду один. Это моя вина. Мой долг.

– Ты не справишься один, – сказал Торн. – Она поглотит тебя, как поглотила других.

– Может быть, – согласился Архитектор. – Но если я не попробую, то все, кого я уничтожил, умрут зря.

– Ты не один, – сказала Лина. Она подошла к нему и посмотрела в глаза. – Кай научил меня, что только вместе мы можем победить. Если мы разделимся, пустота раздавит нас поодиночке.

Архитектор смотрел на неё долго. А потом его лицо, измождённое и бледное, разгладилось.

– Ты похожа на него, – сказал он. – Упрямая. Глупая. Храбрая.

– Это комплимент? – спросила Лина.

– Это факт, – ответил Архитектор.

Они вошли в пещеру, когда небо над ними окончательно почернело.

Внутри было темно. Не той темнотой, которая бывает в шахтах или в беззвёздную ночь, а темнотой, которая думала, которая жила своей, нечеловеческой жизнью. Воздух был тяжёлым, вязким, и каждый вдох давался с трудом.

– Абита, – позвала Лина. – Свет.

– Пытаюсь, – ответила Абита. – Мои сенсоры подавлены. Здесь что-то блокирует сигналы.

– Это она, – сказал Архитектор. – Она не хочет, чтобы мы видели.

– Тогда будем идти на ощупь, – сказал Торн.

Они двинулись вперёд, держась за руки, чтобы не потерять друг друга. Лина шла в центре, сжимая кристалл. Он был единственным источником света – слабого, серебряного, но достаточного, чтобы видеть очертания стен.

Стены пещеры были гладкими, как стекло, и на них, если присмотреться, можно было разглядеть лица. Тысячи лиц. Миллионы. Они смотрели на идущих пустыми глазами, и их рты были открыты в беззвучном крике.

– Это те, кого она поглотила, – прошептал Архитектор. – Те, кто не смог вернуться.

– Мы вернём их, – сказала Лина. – Мы вернём всех.

Кристалл в её руке вспыхнул ярче, и лица на стенах начали меняться. Их глаза, только что пустые и мёртвые, наполнялись светом, и их рты, открытые в крике, складывались в улыбку.

– Он слышит их, – сказал Келл. – Он помнит их. И они помнят.

Они шли долго. Часы? Дни? Лина потеряла счёт времени. Вокруг была только тьма, лица на стенах и пульсация кристалла в её руке.

А потом они вышли в зал.

Он был огромным – таким огромным, что его своды терялись в темноте. Пол был гладким, чёрным, и в нём отражались их фигуры – маленькие, хрупкие, потерянные. А в центре зала стоял трон.

Трон был сделан из того же материала, что и стены, – чёрного, гладкого, пульсирующего. На троне сидела фигура. Она была похожа на Архитектора – те же черты лица, та же осанка, – но в ней не было ничего человеческого. Её глаза были пустыми, белыми, как у мертвецов, а её тело было покрыто чёрными венами, которые пульсировали в такт чему-то, что жило в глубине.

– Ты пришёл, – сказала фигура. Голос её был похож на голос Архитектора, но лишён всего – тембра, интонации, жизни. – Я ждала тебя.

– Я знаю, – ответил Архитектор. – Я пришёл закрыть тебя.

– Ты не можешь закрыть меня. Я – это ты. Всё, что ты отбросил. Всё, что ты отрицал. Всё, что ты не смог принять.

– Я принял это, – сказал Архитектор. – Я принял свою боль. Свою вину. Свою любовь. Ты больше не нужна.

– Ты не принял, – ответила пустота. – Ты спрятал это в себе. Ты носишь это в себе. И пока ты носишь это во мне, я буду жить.

– Тогда я освобожу это, – сказал Архитектор. – Я освобожу всё.

Он шагнул вперёд, и пустота вскочила с трона. Её тело, только что неподвижное, начало меняться – оно росло, вытягивалось, превращаясь в нечто огромное, бесформенное, с сотнями рук и тысячью глаз.

– Ты умрёшь, – сказала пустота. – Ты умрёшь, и я займу твоё место. Я стану Богом. Настоящим Богом. Тем, кто не чувствует, не сомневается, не страдает.

– Ты не станешь Богом, – сказала Лина. – Ты станешь ничем. Как и была.

Она вышла вперёд, и пустота повернулась к ней. Тысяча глаз, белых и пустых, уставились на девочку.

– Ты, – сказала пустота. – Та, кто видела нити. Та, кто вернула ему память. Ты – ошибка. Ты – то, что не должно было существовать.

– Я – то, что существует, – сказала Лина. – И я не боюсь тебя.

– Ты должна бояться, – прошипела пустота. – Я – конец всего. Я – тишина, которая приходит после. Я – отсутствие.

– Ты – отсутствие, которое боится, – сказала Лина. – Ты боишься нас. Ты боишься того, что мы несём.

Она подняла кристалл, и его свет, серебряный и холодный, залил зал. Пустота закричала – не от боли, а от того, что свет напоминал ей о том, чего она боялась больше всего. О памяти.

– Не надо, – закричала пустота. – Не надо!

– Надо, – сказала Лина. – Ты должна помнить. Ты должна помнить, кем ты была. Ты должна помнить, откуда пришла.

Свет становился всё ярче, и пустота, которая была огромной и бесформенной, начала сжиматься, уменьшаться, превращаясь в то, чем была когда-то. В человека. В Архитектора. В того, кто вырезал из себя эмпатию, потому что не мог вынести боли.

– Я помню, – прошептала пустота. – Я помню, как они смотрели на меня. Как они боялись. Как они хотели меня уничтожить. Я помню боль.

– Это не твоя боль, – сказал Архитектор, подходя к ней. – Это моя боль. И я забираю её обратно.

Он протянул руку, и пустота – его пустота – смотрела на неё. В её глазах, только что белых и пустых, появился цвет. Серый, как небо над Задворками. Глубокий, как колодец.

– Если ты заберёшь это, – сказала пустота, – ты умрёшь.

– Может быть, – сказал Архитектор. – Но я умру человеком.

Он коснулся её лица. В момент касания свет, который исходил от Лины, от кристалла, от самого Архитектора, взорвался, и зал наполнился криком. Не одним – тысячами. Миллионами. Это кричали те, кого пустота держала в себе. Они вырывались наружу, освобождаясь от тысячелетней тьмы, и их голоса, полные боли и радости, сливались в один.

Архитектор стоял в центре зала, и его тело светилось. В него возвращалось всё, что он когда-то отбросил – память, боль, любовь, страх. Всё, что делало его живым.

– Я помню, – прошептал он. – Я помню всё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.